

ИРИНА ЛАВРИКОВА

Сфера праздничного — зона идеологического

Праздник без политики становится пустым и бесплодным, политика без праздника — ограниченной и низменной.

И. Б. Роднянская, Х. Г. Кокс.

*Праздник шутов. Теологический очерк
празднества и фантазии.*

Для того чтобы выяснить возможности *политико-идеологической «эксплуатации»* института праздника, а также обосновать крайнюю приблизительность контроля за его развитием через рычаги непосредственного воздействия, я обратилась к уже существующим определениям праздника. Считаю необходимым оговорить, что имеющиеся модели, по сути, являются промежуточными попытками формализовать этот сложный, где-то закрытый, «ускользающий», но столь укорененный в жизни человека феномен.

Подтверждение этому я нашла и в монографии А. В. Бенифанда, где автор указывает, что слово «праздник» в литературе «имеет множество различных значений, порой противоречащих друг другу». При этом оно «часто употребляется для характеристики эмоциональных состояний (праздник чувств, эмоций, души, сердца)», показывая «лишь одну его грань: праздничное, эмоционально окрашенное состо-

яние, вызванное особым приподнятым настроением».

Далее А. В. Бенифанд подчеркивает, что «в философских исследованиях пока не преодолен некоторый вакуум, недооценивается важное значение категории “праздник” для более глубокого понимания категорий “образ жизни”, “духовная жизнь”, “общественное сознание” и др.»¹ По поводу последнего трудно что-либо возразить: проанализированный массив материалов меня в этом мнении укрепил. Но причину такого рода трудностей я вижу несколько в ином ракурсе: имеющиеся праздничные «неразрешимости», как мне представляется, являются следствием недопонимания, «несхватываемости» сущности самого феномена праздника. Последний как механизм человеческих взаимоотношений настолько сложен и «закрыт», что до сих пор остается предметом

¹ А. В. Бенифанд. Праздник, сущность, история, современность. Красноярск, 1986. С. 10.

научных дискуссий. Возникает впечатление, что феномен не поддается универсализации.

Обратимся к некоторым из принятых на сегодняшний день толкований самого этого феномена. Так, в энциклопедическом словаре русского библиграфического общества «Гранат» дано определение праздника в связи с религиозными мотивами²; словарь Ф. А. Брокгауза и А. И. Ефрона различает религиозные и светские праздники³; В. И. Даль выводит понятие «праздник» из понятия «праздность», праздный — порожний, свободный⁴. Немецкий лингвист М. Фасмер считает, что понятие «праздный» заимствовано из исконно русского понятия «порожний»⁵. Есть мнения, что понятие «праздник» в русском языке произошло от древнеславянского «праздь», означающего безделье, отдых⁶.

Одним из традиционных считается определение праздника, предложенное И. М. Снегиревым: *праздник как антитеза трудовых будней и проявление свободной жизни*. «Самое слово *праздник*, — писал он, — выражает *утраждение*, свободу от будничных трудов, соединенную с веселием и радостью. Праздник есть свободное время, обряд — знаменательное действие, принятый способ совершения торжественных действий; последний

содержится в первом»⁷. В этом смысле ключевое значение слова «праздник» — определенный период времени (час, день или дни), заполненный бездельем; характеристика свободного времени, когда отмечают что-то выдающееся — выделяющееся из потока других событий. Последнее оформляется соответствующими символами — обрядами или ритуалами, то есть художественно-выразительно обставлено, к тому же это время всегда необычайно радостно или торжественно.

Сверхзадача праздника — осуществить в структуре сознания некие превращения, невозможные в обыденные, занятые трудом дни, поэтому праздник нуждается в особой душевной или психологической настроенности, он же ее и усиливает. С давних пор и до нашего времени праздник является не только видом досуга: это не просто отдых, а время формирования общечеловеческих договоренностей в понимании свободы, радости и т. п., которые предстают благодаря празднику не как исключительные состояния, а как часть жизни — равноправная и существенно необходимая. Именно поэтому праздник — это вид свободной деятельности людей, в идеальном случае — собравшихся добровольно. Отмечу, что только при таких условиях праздник позволяет общаться свободно, создает условия для коллективных переживаний и устремлений, которые на время как бы стали реальностью. Именно праздник дает ощущение полноты жизни (индивидуальной и коллективной), позволяет пережить гармонию с собой и со всем окружающим. Он же дает людям удовлетворение избыточным — тем, что в будни подавляется или игнорируется. Праздничные отношения становятся

² См. «Энциклопедический словарь русского библиграфического общества «Гранат». М., 1897. Т. 33. С. 300—302.

³ См. «Энциклопедический словарь». Под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1898. Т. 24. С. 940.

⁴ См. **В. И. Даль**. Толковый словарь живого Великорусского языка. М., 1955. Т. 3. С. 380.

⁵ См. **М. Фасмер**. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. С. 353.

⁶ Известный польский философ, социолог К. Жигульский, анализируя значение слова «праздник» в различных языках, отмечает, что соответствующие понятия семантически связаны со словами «радость», «веселье», «танцы», «традиция», «общественное движение» и др. (см. **К. Zygułski**. *Świeta i Kultura (Świeta dawne i nowe Rozważania socjologa)*. Warszawa, 1981. С. 388).

⁷ **И. М. Снегирев**. Русские простонародные праздники и севеверные обряды. Вып. 1. М., 1837. С. 5 (цит. по: **А. И. Мазаев**. Праздник как социально-художественное явление. М., 1978. С. 10).

своеобразной «разрядкой напряженности», которая накапливается обычно, и вместе с тем они позволяют прикоснуться к счастливой жизни.

Существуют разные типы праздников, но все они в большей или меньшей степени основаны на *добровольном согласии принимать и выполнять правила праздничной жизни*, не сводя ее к материальной пользе. При таком подходе институт праздника отнюдь не лишается практического смысла и целесообразности, скорее наоборот, он приближается к своей природной сути — *моделированию способов истинно человеческого общения в сфере свободного времени*.

Фактически эта теоретическая абстракция является еще одним определением праздника, раскрывающим существенный момент его содержания, а именно — *праздник как соединение людей узами общности, порождение чувства свободы и коллективности*. Только праздник позволяет конкретно, чувственно ощутить единство и общность, открыто демонстрировать себя и в таком же качестве видеть других. Именно поэтому праздник является личным опытом почти всех: ведь не существует таких людей, кто не пережил хотя бы один раз в жизни состояние праздничности, а пережив, не связывал бы с ним представления о свободной и по-своему счастливой жизни. Именно в это особое время мы переживаем то особое настроение, когда, провозглашая радостное «да» определенному событию, мы утверждаем целостность жизни. Праздник как попытка избавить человека «от узко утилитарного или односторонне будничного отношения к жизни»⁸, позволяет задержать мгновенное состояние праздничности, зафиксировать его не завтра и не где-то там, а именно «здесь и теперь».

Новые исследования праздника в силу неисчерпаемости феномена дадут новые характеристики, но его универсализации, полагаю, добиться все-таки сложно. В пределах поставленной задачи мне видится некоторая причина, объясняющая суть этой природной «несхватываемости», на основании которой представляется возможным выработать определенную методологию моделирования праздника в сфере политико-идеологического. В данном случае речь идет как минимум о двух ключевых позициях, максимально и формирующих, и характеризующих природу праздника. *Первое: это особый род экзистенции — праздничная экзистенция, укорененная в самом празднике. Благодаря ее существованию праздник возрождается. Вторая основа существования праздника — добровольность существования в нем, порожденная его игровой составляющей. Именно эта составляющая становится источником искренней радости; в противном случае праздник будет «рассыпаться», терять свой природный смысл, а участвующие в нем радость будут имитировать*.

В принципе, фиксируя внимание на этих составляющих, можно создать политическую модель праздника, точнее — проанализировать в нем баланс игрового и неигрового, то есть политико-идеологического. В дальнейшем управление этим балансом становится основным рычагом воздействия на состояние праздника, и как следствие — на возможность эффективного (в смысле максимально прогнозируемого) управления одним из древнейших институтов человеческих взаимоотношений, в чем, собственно, и видится основной идеологический и политический интерес в сфере праздничного.

Итак, попробую выдвинуть некоторые версии-обобщения, позволяющие вычленить неигровую компоненту

⁸ А. И. Мазасев. Праздник как социально-художественное явление. С. 12.

праздника. Оговорюсь, что при анализе такого плана выводы логичнее осуществлять на фоне противоречия «неигровое» — «игровое».

Основание первое

Исходя из сути «игрового», человек играет или не играет, при этом выбор — принимать или не принимать правила — делает он сам, то есть добровольно (1). Кроме того, он сам, то есть добровольно, принимает решение выбирать или не выбирать игровой инструмент — игрушки (2). Допускаю, что последнее (2) можно принять частью основных правил (1). Далее будет понятна причина такого вычленения. «Неигровое» — отвлекающее: человек сам становится инструментом — политической игрушкой. В данном случае человек делает выбор — подчас добровольно, но принудительно, — становиться или не становиться игрушкой. Такое состояние есть его основная роль в руках устроителей — заказчиков праздника.

Рассмотрим праздник в качестве площадки для игры, которая по определению не имеет цели, и отвлечения (не-игры), имеющего, например, цель воспитательную. В таком случае игра (без цели) дарует удовольствие, радость, наслаждение, проживание свободы и пр. (3). В качестве комментария к (3) использую выводы Л. Т. Ретюнских, например: «Если игра бесцельна по отношению к иным формам бытия, то удовольствие, получаемое от игры и в процессе игры, составляет ее внутреннюю единственно значимую цель. ...Игра есть тот вид удовольствия, который доступен всем, игры... могут быть “плохими” и “хорошими”; нести благо и зло, учить, лечить душу, помогать, ... обозлить, искалечить и т. д.; каждый сам выбирает свои игры, а выбор определяется множеством факторов. Неизменным остается только нацеленность игры на получение удоволь-

ствия... Игры без удовольствия не бывает...»⁹

Е. Финк, перечисляя все переживания-удовольствия, даруемые игрой, представляет их в высших, крайних формах проявления — радость, наслаждение, блаженство¹⁰. Даже смысл, «привнесенный туда субъективными переживаниями игроков», согласно Л. Т. Ретюнских, может стать источником игрового удовольствия. Очень важно оценить волевою направленность человеческих побуждений в границах «хочу» и «должен». По мнению той же Л. Т. Ретюнских, участие в игре «определяется только словом “хочу”, но никак не “должен”. ...Если уж вступил в игру, то “хочу”... превращается в добровольное, радостное и приятное “должен”... Любое действие, наполняемое смысловым содержанием, теряет игровой характер. Стоит перенести поиск смысла жизни в контекст игры, как она разрушается, пропадает...»¹¹.

Не-игра, имеющая вполне определенную цель, становится механизмом, например, воспитания. Как механизм «неигровое» канализирует эталоны поведения, становится средством идеологического воздействия, способствует «свыканию» с состоянием (ролью) игрушки (4). Таким образом, состояние праздника зависит от баланса между игрой и не-игрой, что прежде всего определяется:

- общим уровнем культуры празднующих;
- степенью их свободолобия;
- уровнем образованности;
- возможностью реализовать права и свободы;
- самоуважением и цельностью граждан.

⁹ Л. Т. Ретюнских. *Философия игры*. М., 2002. С. 106.

¹⁰ См. Е. Финк. Основные феномены человеческого бытия. — «Проблема человека в западной философии: Переводы». М., 1988. С. 381.

¹¹ Л. Т. Ретюнских. *Философия игры*. С. 110–114.

Ведь не случайно Е. Финк замечает, что игровой мир «столь же вовне, в качестве воображаемого пространства, границы которого знают и соблюдают объединившиеся игроки, сколь и внутри: в представлениях, помыслах и фантазиях самих играющих»¹². Полагаю справедливым распространить это замечание на характеристику праздника, значительная и значимая часть которого заполнена игрой. В таком случае:

— умение ограничить воображаемое пространство является следствием самоуважения и цельности;

— умение договариваться реализуется в правилах проживания свободы.

В свою очередь формирование этих правил — впрочем, как и их разнообразие — определяется уровнем культуры игроков и оценивается в пределах: «интересно» — «неинтересно», «примитивно» — «непримитивно», «захватывающе» — «незахватывающе» и пр.

Правда, при тотальном контроле за обществом включение игры в праздник «возможно», но лишь при условии крайней примитивизации ее правил. Элемент игры в праздничном действе необходим, иначе играющие не проживают удовольствия, и как следствие — праздник теряет привлекательность даже для малообразованных. Очевидно: игра по примитивным правилам консолидирует именно последних. В этом смысле в обществе с низким уровнем культуры сращивание «Я» играющего и «Я» игрового мира весьма желательно. Ведь, именно тогда, проживая в хроническом счастье и удовольствии, человек перестает разграничивать истинное и лож-

ное. Необходимое условие — вечная игра непрекращающегося праздника: отождествляя «как бы реальное» с реальным, можно даже вплотную приблизиться к мечте о вечном счастье, сделать его явью и в нем существовать. Достойный пример «вселенской» манипуляции, по Е. Финку, — предельно абстрактная всеобщность в качестве универсальной филантропии — «обнимитесь, миллионы, впоцелуе слейся, свет» (по аналогии с «в унисон стучат сердца»), хотя весь опыт мировой истории доказывает, что «изначальные, подлинные переживания общности всегда избирательны»¹³.

Техническая регламентация свободного времени — то есть времени, не занятого ни трудом, ни политикой, есть характерная данность нашей индустриальной эпохи.

В противопоставлении «игрового» и «неигрового» есть еще один важный, с моей точки зрения, нюанс: суть их связи с иллюзиями. В первом случае *сама игра обманом не является*, но пользуется эффектами иллюзии, чтобы показное использовать как средство выражения. *Иллюзии «неигрового»*, по моему мнению, есть *намеренный обман*, подмена, скрытая или откровенная манипуляция, особенно в случае массового праздника.

Техническая регламентация свободного времени — то есть времени, не занятого ни трудом, и ни политикой, есть характерная данность нашей индустриальной эпохи. Не случайно, в условиях экзистенциального вакуума возникает скука, когда можно и не тру-

¹² Е. Финк. Основные феномены человеческого бытия. С. 376.

¹³ Там же. С. 384.

даться (это успешно делают машины), и реализована потребность в отдыхе. Именно на стерильное свободное время, на период вне труда и отдыха и рассчитан массовый праздник как элемент «идеологической войны», как крупномасштабная обработка сознания посредством праздничного «неигрового».

Основание второе

Праздник — это то, что традиционно. Следовательно, праздник, особенно массовый, является видом «эксплуатации» того, что привычно и понятно. И игра, и не-игра, будучи компонентами праздничного мероприятия, должны быть привычны, так как в противном случае празднество не будет в должной мере восприниматься основной массой народа и даже, скорее всего, отторгаться.

Для внедрения непривычного, по моему мнению, используется пространство «неигрового», так как именно не-игра может содержать силовые «указания» на это непривычное, — иначе, выполнять функцию «проталкивания» или насаждения иного, другого, неизвестного. Естественно, при таком подходе (по сути, нажиме) человек вынуждается к договору с непривычным, становясь игрушкой в условиях этого непривычного. Как результат — ощущение праздничного не проживается, радость имитируется, а сам праздник в конечном счете оценивается как несостоявшийся.

Структура праздника может быть отражена следующей формулой:

$$\text{ПРАЗДНИК} = \text{ИДЕОЛОГИЯ (не-игра)} + \text{КУЛЬТУРА КАК ЭТИЧЕСКИЙ НАВЫК (игра)}$$

Если игру представлять в качестве этического навыка, то необходимо учитывать, что культура как результат этического или морального навыка меняется очень медленно — гораз-

до медленнее, чем идеология. В таком случае неприятие праздника «грозит» механизмами продавливания изменившегося (обновленного) идеологического. Особенно массовый праздник становится эффективным средством манипулирования. Прежде всего, речь идет о массовой идиотии через примитивизацию условий «игрового», то есть внедрения игры другой, на новых, более понятных условиях. Кроме того, возможна и примитивизация потребностей, реализуемых благодаря «игровому» (достижимость удовольствия, счастья и свободы). Примером тому являются «праздничные неудачи» в современной России, ставшие следствием укорененности коммунистических привычек советского периода.

Основание третье

Ключевые требования к празднику со стороны его «заказчиков» сводятся в символике Э. Канетти к следующему: во-первых, проводимое мероприятие должно быть «гладким» (5) и, во-вторых, оно должно быть «причесанным» — в смысле выстроенным (6). Оба требования успешнее и эффективнее смогут проводиться через компоненту «неигровое», в связи с ее восприимчивостью к общественным переменам по сравнению с этическими навыками, то есть через компоненту «игровое».

Указанные положения требуют разъяснения. Проводя аналогии между органами человеческого тела и функциями власти, Э. Канетти пришел к выводу, что «главнейшим элементом власти, которым снабжен человек, ...являются зубы. ...Гладкость и строй как очевидные свойства зубов перешли в сущность власти вообще. Они стали неотъемлемы от власти, и это первые качества, отчетливо проявляющиеся в любой ее форме»¹⁴. Получается, что

¹⁴ Э. Канетти. Масса и власть. М., 1997. С. 226—227.

мания «гладкости» (5) «в языке выражается напрямую, когда говорят: все идет гладко, работает гладко. ...Человек полностью и беспрепятственно контролирует процесс, о каком бы процессе не шла речь. ...Все говорят о функциональности, ясности, полезности, но в действительности торжествует гладкость и скрыто содержащийся в ней престиж власти». Применительно к институту праздника, полагаю, это есть процедура по внедрению «нужных» эталонов поведения, ценностей и т. п.

«Причесанность» или строй, стройность, упорядочение (6) в празднике есть не что иное, как органы контроля за порядком, которые, в аналогиях Канетти, гарантируют «равенство всего ряда зубов, четкость промежутков, отделяющих друг от друга». По мнению Канетти, именно устройство рта стало образцом для многих форм строевого порядка. «...Выпадение некоторых из них [зубов] и связанные с этим болезненные последствия заставляли задуматься о важности строя». И далее: «вряд ли можно ошибиться, предположив, что смутный образ пасти воздействовал на организацию тюрем».

Приведенные аргументы представляются достаточно весомыми для того, чтобы принять «неигровое» в качестве канала для властного воздействия на развитие праздника. Интерес к силе праздника вполне оправдан: в любом обществе *то, что может быть опасным для власти, должно быть контролируемым, организованным и перераспределенным с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать, блокировать влияние, обуздать непредсказуемое, избежать угроз*. В обществе же, подобном нашему, самой очевидной и привычной является процедура в виде запрета. При таком положении вещей хорошо известно, что «говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, ...не всякому можно говорить

о чем угодно». А областями, как пишет М. Фуко, где «решетка запретов наиболее уплотнена», является в том числе и область политики¹⁵.

Действительно, власть ставит своей целью определить условия проведения запретов в действие, чтобы навязать индивидам, существующим в данных сферах, некоторое число правил и сделать так, чтобы не всякому, кто захочет, был открыт к ним доступ. Например, к организации праздника никогда не будет допущен тот, кто не удовлетворяет определенным требованиям властей (5) или же с самого начала не имеет на это права. Не все области праздника одинаково открыты и проницаемы; некоторые из них являются в высшей степени запретными (6), и поскольку праздники «даруют» различного вида довольствия, то «власти свойственно... быть репрессивной и с особой бдительностью подавлять всяческую бесполезную энергию, интенсивность удовольствий и всякого рода неупорядоченное поведение»¹⁶.

Используя так называемые полиморфные техники (отказы, дисквалификации, побуждения, интенсификации и пр.), власть добирается до самых тонких и самых индивидуальных поведений, достигает редких и едва уловимых желаний, пронизывает и контролирует даже повседневное удовольствие, не говоря о праздничном. Она организует (усиливая запреты) «любопытствующие присутствия», разного рода близости; она постоянно обследует и наблюдает, вымогает признания, инициирует «игру интенсивных ощущений»¹⁷. Но поскольку до сих пор самой распространенной формой «возбуждения» и поддержания праздничного мироощущения является праздник, то и внимание к этому од-

¹⁵ М. Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 51—52.

¹⁶ Там же. С. 106.

¹⁷ Там же. С. 143.

ному из древнейших и постоянно возобновимому виду отношений вполне объяснимо.

Таким образом, выстраивая политическую модель праздника, необходимо четко представлять, что в его неигровую часть входит система мероприятий, начиная от муштры профессиональных кадров для подготовки и проведения (включая цензурированные эталонированные сценарии, символику и т. п.), что гарантирует «гладкость» проведения действия, и заканчивая органами охраны, поддерживающими необходимую «стройность» происходящего. Абсолютное же «повеление» праздником через непосредственные, свойственные его природе рычаги воздействия — людской ресурс, планирование, сверхзадачи — неосущест-

вимо. Праздник предсказуем, а потому наиболее эффективно контролируется именно через факторы опосредованные — воспитание, образование, сферу экономического и т. п. Крайняя степень воздействия на него властно-силовая — запрет проведения.

Более того, от баланса «игрового» и «неигрового» зависит праздничная «осуществленность»: возможность проживания людьми искренних эмоциональных состояний в связи с участием в праздничном действе. В противном случае мы будем иметь лишь жалкое подобие или имитацию радости, особенно в случаях массового, национального праздника, что недопустимо, так как в случае накопления неудовольствий праздник может перерасти в бунт. ◆